

М. Гольд

ЭТНИЧЕСКИЙ ФАКТОР НА ПОЛИТИЧЕСКОЙ КАРТЕ ИЗРАИЛЯ

События последних лет наглядно продемонстрировали ту огромную роль, которую играют этнические конфликты или просто межэтническая напряженность в жизни отдельных стран или целых регионов. В своем крайнем выражении обострение этнической вражды приводит к вооруженному противостоянию. Ярчайший пример этого – Балканский кризис. Что же касается более вялых и “цивилизованных” форм межэтнической напряженности, то их наглядно иллюстрирует ситуация в канадском Квебеке и фламандских анклавах в Бельгии.

Регион Ближнего Востока стоит особняком в круге обсуждаемых проблем. Для одной из центральных стран этого региона – Израиля – межэтнические проблемы были характерны со дня провозглашения государства в 1948 г. Интересно, что это относится как к внешнему противостоянию еврейского большинства и арабского меньшинства, так и к внутренним противоречиям между евреями – выходцами из 102 стран мира. Один из аспектов последней проблемы и является темой настоящей статьи.

В любом демократическом обществе место той или иной этнической группы определяется ее влиянием на политическую жизнь страны, уровнем представительства в высших эшелонах власти. Не исключением является и Израиль с его развитой парламентской системой и высоким уровнем политической активности населения. Поэтому политико-бюрократическая структура государства во многом отражает характер взаимодействия между ашкеназами – выходцами из Европы и Америки и сефардами – выходцами из Азии и Африки.

Начиная с 16-го и до середины 19-го века, сефарды безраздельно господствовали в еврейских общинах Палестины. К началу 19-го века в Эрец-Исраэль проживало 5000–6000 евреев, только несколько сот из которых были ашкеназами. С началом алии из Восточной Европы и приездом крупных знатоков Торы и нерелигиозных общественных деятелей развернулась борьба между ашкеназами, пытавшимися организовать собственную общину, и сефардами, стремившимися сохранить свою гегемонию. Турецкие власти признавали только сефардскую общину с Ришон леЦионом во главе, и понадобилось много времени и усилий европейских консулов для создания собственных ашкеназских общинных институтов¹.

Окончательное разделение между обеими группировками произошло в середине 60-х годов 19-го века, когда ашкеназы сумели преодолеть зависимость от сефардской элиты и организовались в самостоятельную общину.

Начиная с 80-х гг. прошлого века, политическая система Эрец-Исраэль-Палестины развивается по европейским канонам. Палестина стала для восточноевропейских сионистов своеобразным полигоном для реализации своих идей. Способность этих молодых идейно одержимых людей модифицировать и адаптировать европейские национальные и социалистические идеалы к палестинской действительности сделала их творцами истории с момента приезда в Эрец-Исраэль. Поворотным пунктом в угасании сефардского влияния в Ишуве стал переход Палестины из-под турецкого владычества под протекторат Англии после 1-ой мировой войны. Сефарды, говорившие по-арабски и ориентировавшиеся в институтах восточной системы управления, уступили свое главенствующее положение выходцам из России и Польши². Именно с этого времени появляются многочисленные свидетельства о дискриминации сефардов в национальных и общественных институтах Эрец-Исраэль.

Тем не менее в 1920 г. на первых выборах в Собрание представителей – прообраз будущего правительства – сефарды получили более 19% голосов, а йемениты – около 4%³. Но уже к концу 20-х годов с окончательной победой рабочих партий в Ишуве усилилась тенденция к отходу сефардов от всех форм политической жизни. Даже старые сефардские кланы, доминировавшие в старом ишуве, постепенно прекратили общественную деятельность⁴.

Возглавив рабочее движение в 20-х годах, став доминирующей силой в 30-х и приведя к созданию государства в 40-х, восточноевропейские иммигранты руководили всеми политическими и государственными институтами вплоть до середины 70-х годов. Политическая жизнь развивалась, а у власти оставались те же люди. Они старели на своих постах, постепенно превращая государственный аппарат в клановую организацию, проникнуть в которую чужаку было чрезвычайно трудно. Одним из ключевых элементов такой клановости было однородное восточноевропейское происхождение главных лидеров Ишува. Достаточно сказать, что из 37-ми чел., подписавших декларацию Независимости в 1948 г., 29 были выходцами из Восточной Европы, 6 – из Западной, 1 уроженец Израиля и 1 из Йемена⁵.

Но возникновение настоящего этнополитического парадокса относится к середине 50-х гг., когда в результате массовой иммиграции из стран Азии и Африки сефарды стали составлять около половины еврейского населения страны. При этом этнические списки практически сошли с политической арены, а представительство сефардов в руководстве общенациональных партий оставалось крайне низким⁶.

В целом исследователи предлагают два индикатора для анализа этнополитической ситуации в Израиле. Первый – частота появления и уровень достижений “этнических списков”. Второй – зависимость голосования за ту или иную партию от этнического происхождения избирателя⁷.

Что касается первого критерия, то, несмотря на многочисленность этнических списков и постоянство их появления на выборах, они оставались на обочине израильской политической жизни.

Определенный успех этнических партий в период Ишува объясняется во многом попытками расширить электоральный базис различных предвыборных блоков. С этой целью создавались условия наибольшего благоприятствования для этнических групп. Так, например был выделен специальный день голосования для йеменских избирателей (на выборах во второе Народное Собрание в 1925 г.) и проведено этническое голосование в 1931 г. С целью мобилизации избирателей различные партии создавали особые этнические отделы, или этнические организации, призванные выступать в связке с ними⁸. Зачастую крупные партии прямо или косвенно поддерживали “этнические списки”⁹. Другими словами, на структурно-организационном уровне признавалась политическая активность на этнической базе, и ей даже оказывалась поддержка. Более того, иногда инициатива создания этнических списков исходила не от самих сефардов, а от влиятельной партии. В других случаях это была инициатива деятелей сефардского происхождения, искавших пути политической интеграции в систему. Как средство политического торга они создавали собственные структуры.

Вместе с этим на идеологическом уровне этническая основа резко отрицалась как база для политического объединения. Это отрицание берет начало в период ишува и сопутствует деятельности всех этнических списков, создававшихся после образования государства. Идеологическая элита всеми силами старалась сохранить свое главенствующее положение в рамках концепции “плавильного котла”, предполагавшей растворение выходцев из Востока в доминантной группе¹⁰. Этническая основа для объединения отвергалась как противоречащая основным принципам “мизуг галуיות” и единства нации.

Поскольку формальная причина для делигитимации находилась не всегда, практиковалась тактика навешивания ярлыков на этнические списки и их лидеров. Попытки сдвинуть эти партии на обочину общественной жизни часто базировались на обвинениях в “идентификации с врагом”. Так, депутат кнессета Шломо Халаль, кстати сам сефард, заявил (на предвыборном собрании в Хайфе в 1959 г.), что группа депутатов “сефардского списка” ориентируется на “Радио Дамаска”. Дело в том, что незадолго до этого диктор сирийского радио объяснил, почему не следует голосовать за Бен Гуриона, и призвал восточных евреев поддержать список “Сефарды и общины Востока”¹¹. Посредством привязки “Черных пантер” к деятельности организаций, отрицающих существование Израиля, включая ООП, они рассматривались как крайне экстремистская группа, угрожающая безопасности государства¹². Их действия объявлялись также наносящими вред интересам последнего, как,

например, блокирование алии из США¹³ (“хаАрец, 26.7.71), или вредящими его имиджу¹⁴ (Маарив, 6.8.71). Лидеры этнических списков характеризовались иногда как карьеристы, стремящиеся к власти¹⁵ (хаАрец, 30.7.61), или, наоборот, как абсолютно неспособные к руководству страной. Согласно этому подходу, лидеры “пантер” представлялись как уличная молодежь¹⁶ (хаАрец, 28.1.71), преступники¹⁷ (хаАрец, 3.3.71) или просто как “несимпатичные парни”, по словам тогдашнего премьер-министра Голды Меир. Но главными обвинениями, выдвигаемыми против сефардских партий, были этнический сепаратизм и изоляция.

Характерно, что официальная идеология “мизуг галуйот” служила оружием как ашкеназам в борьбе против этнических объединений сефардов, так и последним – инструментом в борьбе за этническое равноправие. Вместе с тем манипулирование соответствующими списками было характерно и для правящей элиты, и для оппозиции, и все крупные партии использовали традиционные этнические связи в своих политических целях. На местном уровне это осуществлялось при помощи семейных кланов или этнических землячеств, которые мобилизовывали своих членов на голосование за определенную партию.

Несмотря на электоральный потенциал и существование этнической проблемы, партии так и не превратились в оплот политической активности восточных общин. Очевидно, также, что этнические организации, существовавшие до образования государства, не стали ядром политической абсорбции новых репатриантов из стран Востока.

Говоря о политической ориентации восточных евреев, следует отметить, что роль партий в Израиле исключительно велика. В особенности это относится к периоду 40–50-х годов, когда под патронажем той или иной крупной партии находились школы, театры, спортивные клубы, потребительские и производственные кооперативы, больницы и даже бюро по трудоустройству. И, разумеется, главные социально-экономические рычаги были в распоряжении правящей партии, формировавшей все правительства Израиля на протяжении 30 лет, – “Мапай”. Поэтому, несмотря на ужасные условия абсорбции, нищету палаточных лагерей и барачных поселков, сефарды все равно голосовали за “партию власти”, которая отождествлялась с государством и зависимость от которой во всем – работе, жилье, медицинском обслуживании, образовании для детей – была тотальной.

Тем не менее представительство восточных евреев в самой “партии власти”, а особенно в ее высших эшелонах и кнессете всегда оставалось крайне низким. Если в Центральном Комитете, который имел не очень широкие полномочия, сефарды еще составляли 30%, то в секретариате “Мапай” из 30 членов было всего 2–3 представителя восточных общин. Среди депутатов “Ма-

пай” в кнессете сефарды составляли 12–20%. В правительстве лишь 1–3 министра были неевропейского происхождения. В Гистадруте – этом государстве в государстве, который владел банками, страховыми компаниями, промышленными предприятиями и где ключевые посты занимала все та же восточноевропейская элита, из 17 членов ЦК был лишь 1 сефард. И это несмотря на то, что восточные евреи в 60-х годах составляли 45% рядовых членов “Мапай” и Гистадрута. Представительство этнических групп в различных властных структурах государства наиболее полно отражено в составленной С. Смухой и Й. Пересом таблице.

Мало того, что представительство сефардов в бюрократическом и государственном аппарате было оскорбительно низким, сами представители восточных общин спускались сверху чиновниками-ашкеназами. Сотрудник соответствующего отдела формировал предвыборный список депутатов-сефардов, которым покровительствовала его партия, и вопрос был практически закрыт. Элияху Нави – бывший министр и политический деятель сефардского происхождения – рассказывает об одном интересном случае из своей биографии. В бытность свою судьей Нави отдыхал в Эйлате и однажды, купаясь в море, увидел полицейских на берегу, отчаянно пытавшихся привлечь его внимание. Как выяснилось, премьер-министр страны срочно хотел встретиться с судьей. Нет, к судебным делам это не имело никакого отношения. Просто завтра должно было быть сформировано правительство, и Бен-Гурион нуждался в дежурном “френке” (прозвище сефардов). “Так назначают министров? – вопрошает Нави, – разве так назначают и ашкеназских министров? Вытягивают человека из воды, сажают в самолёт и говорят: ты будешь у нас министром. Это воля правителя”¹⁸.

Исследования Антоновского свидетельствует, что уже с начала 60-х годов позиции главного соперника “Мапай” – партии “Херут” – были наиболее сильны среди выходцев из Северной Африки (20%), репатриантов из других стран Востока (14%) и сабр, родители которых восточного происхождения¹⁹. С годами эта тенденция существенно усилилась. И здесь мы подходим ко второму критерию, характеризующему этнополитическую ситуацию в Израиле. Речь идет о зависимости между этническим происхождением избирателя и партией за которую он голосует.

В 1977 г. в Израиле произошло событие столь значительное, что было названо впоследствии “переворотом”. После 30-летнего пребывания в оппозиции к власти пришел правый блок “Ликуд”. Переворот произошел во многом благодаря голосам восточных избирателей, которые за много лет разочаровались в “ашкеназском” Маарахе. Как справедливо утверждает бывший редактор “The Journal of strategic studies” Амос Перельмутгер, “сефардский избиратель, который ощущал себя аутсайдером, видел в Бегине схожий образ

аутсайдера, тогда как “Маарах” воспринимался как правящая верхушка. В результате “Ликуд” превратился в популистскую партию, а “Маарах” в глазах электората – в партию истеблишмента”²⁰. Для лучшего понимания роли сефардской общины в коренных изменениях, происшедших в 1977 г., стоит обратиться к данным, отражающим этнический состав избирателей Ликуда и Маараха. Таблица отражает смену политических симпатий восточных евреев в период 1969–1977 гг.²¹

Очевидно, что среди израильтян, родившихся в Европе и Америке и их детей, Ликуд на выборах 1977 г. не только не укрепил своих позиций, а даже утратил часть голосов. Таким образом, своей победой обязан второму поколению сефардов, родившимся уже в Израиле. Традиционно считается, что средний ликудовский избиратель имеет более низкий социальный статус и образовательный ценз, чем избиратель Маараха. Недаром Ликуд зачастую называют “партией рынка”. Несмотря на этот стереотип, восточные евреи даже с высшим образованием голосовали в 1977 г. за Ликуд намного активнее, чем за Маарах. Исследования А. Ариана отражают эту характерную тенденцию, свидетельствующую, что этническая самоидентификация выявилась в решающий момент для восточных евреев более значимым фактором, чем социально-экономический статус.

В противовес этому израильский социолог Хана Герцог полагает, что поддержка сефардами Ликуда была вызвана не узкоэтническими, а, наоборот, общенациональными интересами. Последний всегда олицетворял собой национальный лагерь, силу, которая интегрирует восточных евреев в единое израильское общество. Шамир и Ариан²² в свою очередь подчеркивают, что сефардское голосование протеста накладывается на процесс легитимации Ликуда и правого лагеря и усиления национальных и религиозных чувств. Таким образом, есть определенное основание рассматривать поддержку Ликуда сефардами как часть более широкого процесса поправления израильского общества. Процесс этот затронул в особенности молодежь – уроженцев страны – и евреев восточных общин, политическая зрелость которых пришлась на спад доминирования Партии труда. Свою роль, конечно, сыграл и более высокий уровень рождаемости в сефардской общине, выразившийся в численном перевесе ее электората.

Многие объясняют “популистское” голосование сефардов за Ликуд оторванностью восточных евреев от политического центра. Популизм привлекает группы, ощущающие оторванность от центра, и он придает им чувство сопричастности к израильской действительности, базирующейся на национальных ценностях, которые исповедует блок “Ликуд”.

Так или иначе, но к 80-м годам 2/3 избирателей последнего имели восточное происхождение, тогда как 2/3 приверженцев Маараха составляли ашк-

еназы. Тем не менее ожидаемого ускорения этнической интеграции сефардов, связанного с “переворотом”, так и не произошло. Более того, в Ликуде состав евреев из восточных общин был ненамного более представительским, чем в Маарахе. И здесь высшие партийные посты занимали выходцы из Восточной Европы – Менахем Бегин, Ицхак Шамир, Ариэль Шарон (исключением является Давид Леви). В правительстве Ликуда 1981 г. из 19 министров сефардов было лишь три. Из 9 менее ответственных постов заместителей министра сефарды занимали три.

Прорыв в мир большой израильской политики для сефардов был непрост и по экономическим причинам. По существующему законодательству, каждый депутат получает определенную сумму на предвыборную кампанию, а каждая партия в свою очередь – средства на предвыборные нужды. Кроме этого, уже существующие партии получают рекламное время в средствах массовой информации, причем гораздо большее, чем новые списки. Естественно, что при условиях более низкого экономического статуса сефардов и их незаангажированности в политической жизни страны шансы на победу у восточного кандидата в депутаты более низки, чем у европейского²³. Кроме этого, в средствах массовой информации до сих пор наблюдается резкий этнический перекоп: 86% журналистов – ашкеназы и лишь 14% – сефарды.

Зачастую этническая проблема всплывает в момент эскалации политической борьбы или общественного кризиса. Так было и во время борьбы между основными соперниками за кресло лидера Ликуда в 1992 году, и при создании Давидом Леви списка “Гешер”, и в период кризиса, приведшего к отставке Леви с поста министра иностранных дел. Обвинениями в этнической дискриминации сопровождалось и уголовное дело министра от партии “Шас” Арье Дери.

Так или иначе, но спустя 50 лет, прошедших со дня провозглашения государства Израиль, о полной интеграции выходцев из Азии и Африки в политическую систему страны говорить пока преждевременно. Вместе с этим межэтническое согласие и общественный консенсус во многом зависят от справедливого представительства всех этнических групп в управлении государством.

ЛИТЕРАТУРА

¹ Гат Б. Еврейское население в Эрец-Исраэль. – Иерусалим, 1953. – С. 14–15 (на языке иврит).

² Тхон Х. Общины в Израиле. – Иерусалим, 1947. – С.32–33 (на языке иврит).

³ Религиозные партии в Израиле. – Москва, 1996. – С. 119.

⁴ Elazar B. The other Jews. – New York, 1989. – P. 46.

⁵ Arian A. Politics in Israel. The second generation, Chatham. – New Jersey, 1985. – P. 56.

⁶ Структура израильского общества. Тенденции объединения и раскола. Открытый университет Израиля. – Тель-Авив, 1986. – С. 64 (на языке иврит).

⁷ Х. Герцог. Существует ли этническая политика? // Мгамот, 1984. – №2–3. – С.332 (на языке иврит).

⁸ Коэн А., Шамгар Л., Леви И. Исследование об абсорбции репатриантов в городах развития, Иерусалим: Еврейский университет, 1962 (на языке иврит).

⁹ Herzog H. The ethnic lists in election 1981: An ethnic political identity? // Arian A. The election in Israel – 1981. – Tel-Aviv, 1983. – P. 113.

¹⁰ Dehen S. Ethnic boundaries and cultural paradigms: the case of Southern Tunisian immigrants in Israel // Ethos, 1976, 4, – P. 271.

¹¹ “Маарив”. – 1955. – 27. 06. (на языке иврит).

¹² “хаАрец”. – 1975. – 7. 04. (на языке иврит).

¹³ Там же. – 1971. – 26.07. (на языке иврит).

¹⁴ “Маарив”. – 1971. – 6. 08. (на языке иврит).

¹⁵ “хаАрец”. – 1961. – 30. 07. (на языке иврит).

¹⁶ Там же. – 1971. – 28. 01. (на языке иврит).

¹⁷ Там же. – 1971. – 3.03. (на языке иврит).

¹⁸ Нави Э. Плавильный котел или скороварка. // “Половина нации” / под ред. Ш. Дешена. – Иерусалим, 1986. – С. 244 (на языке иврит).

¹⁹ Антоновски А. Социально-политические позиции в Израиле в Айзенштадт и др. // “Классы в Израиле”. – Иерусалим, 1968. – С. 150 (на языке иврит).

²⁰ Perlmutter A. Israel: the partitioned state. // A political history since 1900. – New-York, 1985. – P. 299.

²¹ Arian A. The election in Israel 1977. – Jerusalem, 1980. – P. 270.

²² Шамир М., Ариан А. “Этническое голосование на выборах 1981-го года”. // Государство, правительство и международные отношения. – 19–20. – 1982. – P. 88 (на языке иврит).

²³ Менахем Н. Межэтническая напряженность и дискриминация в Израиле. – Тель-Авив, 1983. – С. 79 (на языке иврит).